

Круглый стол
Совета по внешней и оборонной политике
совместно с Институтом современного развития и
Факультетом мировой экономики и мировой политики
Государственного Университета - Высшей школы экономики

«НОВЫЙ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ и ЕВРОПА»

12 ноября 2009 г., ГУ-ВШЭ, ауд.313-Г

— **Ф.Лукиянов.** Тема весьма актуальна, особенно сегодня, когда мы с утра все выслушали программу президента. И обсуждение темы нового геополитического выбора России и связи этого выбора с Европой, безусловно, вписывается в ту проблематику, которая обозначена и сегодня была в послании Федеральному собранию, и вообще во всей той дискуссии, которая развернулась в последние месяцы вокруг темы модернизации, развития страны и нашего будущего. Непосредственный повод для нашей сегодняшней встречи — это выход книги под редакцией Сергея Александровича Караганова и Игоря Юрьевича Юргенса как раз на эту тему. Но это только повод, потому что мы сегодня, конечно, хотим поговорить гораздо шире на все эти темы.

— **С.Караганов.** Начну с двух коротких вводных замечаний. Первое, по порядку ведения. Мы решили с Игорем Юрьевичем, что я начну говорить больше о геополитике, хотя геополитический выбор в отношении Европы неотрывен от социально-экономического, ценностного выбора. А Игорь Юрьевич в большей степени будет говорить об экономическом и ценностном выборе России, о ситуации с этой точки зрения, но, естественно, он тоже будет вторгаться и во внешнюю политику, и в геополитику.

Второе предварительное заявление носит лирический характер. С Игорем Юрьевичем Юргенсом мы познакомились 45 лет назад и многократно поднимали бокалы за то, чтобы совершить такие и эдакие поступки, встретиться там, выпить шампанского в этих столицах. Надо сказать, что практически всё, что мы тогда задумали, было выполнено, за исключением одной столицы мира. Мы только в одной столице мира не пили шампанское вместе. Но ни в каких юношеских и детских бреднях мы не представляли себе возможным оказаться на обложке одной и той же книги. Это случилось, что означает, что мир непредсказуем, что нужно быть готовыми, это я уже говорю для наших молодых друзей, что мир непредсказуем, абсолютно гибок, мягок для интеллектуального и волевого воздействия. И что в этой связи главное все-таки в этом мире — это интеллект и воля. Воля и в смысле свободы конечно, но и воля в смысле способности человека навязывать себе и окружающему его миру какие-то интересующие его ценности.

Книжку вы читаете. Там кроме нас есть еще несколько очень сильных авторов. Мы написали по главе каждый, мы авторы предисловий и довольно серьезно воздействовали на авторов других глав. Но напомню вам, что это все-таки книга авторов и мы не отвечаем за всё, что сказано другими авторами. Но как нам кажется, эта книга, которая к тому же нашла отражение в целой серии записок, которые были год назад посланы российскому руководству, отражает в какой-то мере состояние мышления российской или значительной части российской элиты в отношении Европы.

Собственно приступаю к своей части лекции, буду стараться говорить тезисно, но все равно довольно много написал, готовясь к этой лекции.

Первое, сейчас Россия и Европа, ЕС находятся в периоде относительного отчуждения. Причин немало. О них в книге сказано подробно. Сейчас могу только перечислить некоторые из них. Европа слабеет геополитически, чем недовольна. И недовольна тем относительным усилением России, которое произошло. К тому же, Россия как ревизионистская держава очень жестко и настырно показывала, что она усиливается после тяжких и унижительных поражений 1990-х годов. В Европе сильно разочарование, что Россия в силу целого ряда обстоятельств не пошла по пути либерально-демократического зависимого развития, по которому пошли страны Центральной и Восточной Европы, и по которому Россия могла пойти в начале 90-х годов.

Растет вновь ценностный разрыв. Он заметно сузился в 90-е годы, но сейчас снова стал нарастать. В Европе наряду с развитием старых евроценностей — демократии, политического плюрализма, верховенства закона, демократии, социальной рыночной экономики, развиваются и постевропейские ценности — преодоление государства, национализма, отказ от опоры на силу и в межгосударственных отношениях, и в межличностных и внутривнутриполитических отношениях. Идет движение в направлении поиска всех возможных решений на основе компромисса. Изменяются даже отношения между полами. Они становятся совершенно очевидно постевропейскими. Подумать о том, что нынешние отношения между полами, в смысле секса, в Европе могли бы быть приемлемы еще 20-30, я уж не говорю 100 лет назад, являются вызовом исторической правде.

Наконец Европа чувствует себя удобно. «Европа вне России» и «Европа Европейского Союза» чувствует себя удобно в «пост-холодновоевропейском» мире. Ее устраивает статус-кво. Есть, конечно, в «Европе вне России», в «Европе ЕС» ревизионистские силы, но их очень мало. Эти ревизионистские силы хотят переиграть прошлые поражения, поражения прошлых веков. Мы знаем, где они концентрируются, но это все-таки маргинальные для Европы силы.

В России идет совершенно другое развитие ценностных установок, упоение кажимостью силы, упоение опорой на часто эфемерное, на игру мускулами и внутри страны, и вне страны, особенно заметное на фоне той слабости, которую Россия испытывала в 90-е годы. Россию не устраивает геополитическое статус-кво. Она переигрывала его сначала на уровне политических установок, а затем стала жестко противодействовать этому статус-кво, который [статус-кво], как считает значительная часть российской политической элиты, не устраивает Россию. Внешнеполитический статус-кво в Европе связан, прежде всего, с практически бесконтрольным расширением западной сферы влияния, сферы влияния «старого Запада», которое выражается, с одной стороны, в расширении ЕС. Это в России вызывает раздражение внутреннее, но этому трудно что-нибудь противопоставить и как-либо против этого очень трудно возражать. Это действительно зона расширения, зона благоденствия, и зона благополучия, и зона демократии.

Но особое раздражение вызывает, конечно, расширение НАТО, которое лишает Россию голоса в решении многих проблем европейской безопасности. Но может быть самое главное — в России сочли, что дальнейшее расширение НАТО является угрозой жизненно важным интересам России. Напомню вам, что жизненно важные интересы России — это те интересы, за которые страны воюют.

Была, конечно, в 90-е годы возможность, чтобы Россия вошла в Европу на приблизительно той основе, на которой вошли в нее центрально- и восточноевропейские страны. Эта возможность существовала с 1991-го по 1994-95 годы, но начало расширения НАТО покончило с этой возможностью. Этого выбора Европа сама себя и Россию лишила.

Что более существенно, налицо и растет не только взаимное раздражение в геополитической области, но и расширяется ценностной разрыв с российской стороны. Национальное государство *par excellence* и суверенитет — это главное, что движет российской элитой на нынешнем этапе ее развития. Это отказ от построения демократического общества и прогрессирующая делиберализация страны. Это отказ от права, от опоры на право. Ради воли и сытости, — воли в русском понимании, не свободы, а вольницы — и сытости российская элита и российское общество пока отказались от свободы и от демократии. Это выбор не только элиты, это выбор, как мне кажется, к сожалению, и значительной части общества, по крайней мере, на этом этапе. Мы пока разошлись [с Европой]. Повторяю, это не навсегда, это нынешний этап развития, но, тем не менее, существенный. И, конечно же, безудержная коррупция, которая разъедает основы деловой культуры и которая тоже не чужда европейской культуре, но чужда нынешней постъевропейской и деловой, и политической культуре.

Наконец, осталось системное военно-политическое противостояние, которое обострилось в связи с угрозой расширения НАТО на Украину. Но это системное военно-политическое противостояние пронизывает мышление людей и на Западе, и на Востоке. И неизбежно, повторяю, нерешенность этого вопроса оказывает — даже помимо нашего осознанного выбора — воздействие на то, как и Россия, и Европа вне России смотрят друг на друга и на проблемы.

Приведу только два примера. Европейцы должны благодарить Господа Бога в своих костёлах и кирхах за то, что на их границах рядом находится энергобогатая Россия. А россияне должны в своих церквях и мечетях, — впрочем, европейцы тоже в мечетях теперь — должны благодарить Господа за то, что у них есть рядом богатые потребители их энергоносителей. Тем не менее, существуют нормальные разногласия между поставщиками и потребителями, т. е. кто-то хочет продать подороже, кто-то хочет купить подешевле, и наоборот. Но за последние годы мы увидели, что эта проблема вновь, как и в 70-е и 80-е годы, когда многие боролись против сделки «газ—трубы», снова приобрела черты евробезопасности. И о ней разговаривают почти исключительно с точки зрения безопасности. Это, мне кажется, одно из последствий подобной нерешенности проблемы военно-политического противостояния в Европе.

Другой изумительный пример, который меня совсем уже забавляет: по всей Европе бегают весёлые старички и говорят о необходимости «арктизации» НАТО, от слова «Арктика». А в России проводятся учения на уровне взвода—роты, и какие-то самолеты летают, которые нацелены на то, чтобы защитить Арктику или наши богатства в Арктике от возможных посягательств врага. Уже началась, по крайней мере, виртуальная милитаризация борьбы за Арктику. И это, простите меня, в ситуации, хочу вам напомнить, когда в Арктике ничего еще не обнаружено и, скорее всего, обнаружено не будет. А если когда и будет обнаружено, то, видимо, это будет очень трудно извлекать.

Недавно я участвовал в очень высокопоставленной конференции по этому вопросу, где эти старички резвые бегали, и получил некоторые документы. Из них выяснил замечательные совершенно данные. Там было сказано, что борьба идет ни много, ни ма-

ло, как за 25% неразведанных энергоресурсов мира. То есть за то, чего пока еще нет. То есть идет борьба, по-русски выражаясь, за 25% «дырки от бублика». И мы, тем не менее, находимся в этой ситуации, которую, конечно же, каким-то образом и когда-нибудь нужно будет решать.

Наконец очень существенным изменением в менталитете русской элиты явилось, как мне кажется, то, что впервые в истории у русской элиты или у русского политико-образующего класса появилась реальная альтернатива европейскому выбору. Раньше эта альтернатива была абсолютно эфемерной. Помните, это «евроазиатчина», но это был выбор между отсталостью и модерном, между бедностью и богатством, между свободой и тиранией. И все дискуссии о евроазиатском выборе России проводились или подпитывались людьми из неконкурентоспособных групп населения. А европейцы себя успокаивали тем, что у России нет реальной геополитической альтернативы.

Так вот, мне кажется, что она начала появляться. Она начала появляться и в связи с тем, что самыми динамично развивающимися рынками на сегодня и на завтра и послезавтра являются рынки Азии. Эта альтернатива появляется и потому, что появился реально действующий китайский эксперимент, т. е. авторитаризм плюс рынок. Другое дело, что этот эксперимент в России неприменим, но тем не менее он действует на мозги. И если два-три года назад китайский вариант полностью отрицался русскими, теперь фактически в России говорят «Давайте учиться у китайцев!» не только люди определенной политической ориентации.

Более того, мы замечаем, что уже пошли и действительно крупные тектонические сдвиги в реальной политике. Серия подписанных недавно соглашений с Китаем, судя по всему, предполагающих отдачу Россией Китаю значительных территорий и ресурсов фактически в концессию, означает, что какой-то сдвиг происходит.

Так что ситуация безвыходная, мы, похоже, обречены на расхождение, на взаимное отстранение [с Европой], думаю, что на три-четыре года. Я думаю, что раньше 2012 года о новом сближении говорить не приходится. Более того, эта фаза расхождения, как вы знаете, характеризуется и дипломатическим тупиком, который продлится еще несколько лет в наших отношениях с ЕС. Но через 3-4 года, если не делать больших ошибок и если думать серьезно о будущем, то появятся новые возможности для сближения.

С моей точки зрения, прямо могу сказать, что для меня, несмотря на то, что я являюсь евроскептиком, европейский выбор все-таки является безальтернативным. Хотя я считаю, что нам нужно сближаться с Китаем хотя бы просто потому, что отказ от европейского выбора в долгосрочной перспективе будет означать отказ от самой сути русскости. Россия — это Европа. Россия культурно это Европа. Россия — европейская страна, и отказ от сближения с Европой является отказом от своей собственной идентичности.

Какие возможности есть для сближения, несмотря на то, что сейчас мы находимся в фазе расхождения? Первое, в Европе должны будут через несколько лет, как мне кажется, осознать, что Европа будет продолжать ухудшать свои геополитические позиции неумолимо, вне зависимости от Лиссабонского договора. Более того, возможно даже, что Лиссабонский договор сделает этот процесс ухудшения или ослабления геополитических позиций Европы более видимым. Но это вопрос для исследований. Мы, кстати говоря, такое исследование сейчас начинаем, что Европа будет двигаться в направлении «большой Венеции», т. е. относительно богатой, но слабеющей, увядающей.

России же, если мы не возобновим наше сближение и политическое, и экономическое, но главное — внутреннее с Европой, как мне кажется, угрожает превращения в «белую Нигерию». Белую в смысле цвета кожи. И превращение на невыгодных условиях в сырьевой придаток Великого Китая. Правда, конечно, Россия сохранит свою культуру XIX века и никогда не превратится в неевропейскую страну, но ей может угрожать усиление тенденции к варварству, которое мы, как мне кажется, уже сейчас наблюдаем в нашей духовной жизни и внутренней политике. Через 3-4 года в России тоже поймут, что мы достигли в 2008-09 годах пределов своего геополитического возрождения, и что дальше нам угрожает только относительное ослабление.

Находясь на позициях реализма, нельзя предположить даже, что Россия сможет увеличить свою долю в мировом ВВП в ближайшие годы. Нам угрожает либо стагнация, в лучшем случае, либо сокращение этой доли, как, впрочем, и нашим европейским соседям, хотя на другом уровне и на другой культурной основе.

Наконец, совершенно понятно, что и Россия, и Европа в мире будущего не смогут играть роль самостоятельных центров силы, отстаивать свои политические, экономические и культурные интересы. Они станут второстепенными или третьестепенными центрами в мире Китая, Соединенных Штатов Америки, а затем, возможно, и других новых великих держав. Только объединившись, они могут сделать мир более устойчивым, а себя более влиятельными. Соответственно Европа может предоставить свои технологии, свой социальный опыт, свои капиталы, Россия — свою энергию, ресурсы. Европа может предоставить свою мягкую власть, *soft power*, Россия — готовность применять силу — *hard power*. Я не подозреваю, что Россия когда-нибудь в обозримом будущем станет похожей на европейские страны, но, в конце концов, наличие *hard power* и готовность применять ее есть не только негативный элемент в нашей политике, но и позитивный. Это наше конкурентное преимущество. Но в слиянии этих двух элементов Европа может обрести новую субъектность.

Вот почему, несмотря на трудный период нашей жизни, мы с Игорем Юрьевичем и другими коллегами предлагаем в этой книжке оставить на повестке дня России ни много, ни мало как союз с Европой и Евросоюзом. Мы называем этот «Союз Европы». Конечно, говорить об этом сейчас трудно, но нужно иметь его на повестке дня. Объективная необходимость в нем существует. Мы описываем внешние признаки этого союза. Это единое человеческое пространство. Это единое энергетическое пространство, взаимное и перекрестное владение добычей, транспортировкой энергии и ее распределением, управляемое на основе единой правовой базы. Единое пространство евробезопасности на основе нового договора, который предлагает Россия, или просто вхождение России в НАТО, которая в этой ситуации превратилась бы в совершенно другую организацию. Такая конфигурация не исключает ни особых отношений Европы с США, ни желательного военно-политического союза России с США, за который ратуют некоторые члены Совета по внешней и оборонной политике, которые с сегодняшнего дня начинают движение в пользу такого союза. На нашем Президиуме СВОПа, который заседал только что, было принято решение, что мы предоставим возможность нескольким членам нашего Совета начать движение в этом направлении, используя наш организационный потенциал. Такая конфигурация не исключает ни необходимого и целесообразного сближения России с Китаем, ни еще более необходимого поворота российских внешнеэкономических связей на поднимающуюся Азию. Напомню, что наши внешнеэкономические связи до сих пор являются, совершенно понятно, либо европоцентричными, либо просто устаревшими.

Повторяю, это не тот курс, который нам предлагает история. Это курс, который история не исключает и за который нужно бороться. И мы считаем, что за него нужно бороться, хотя бы исходя из жестких геополитических интересов России. А, учитывая, что авторы — это люди и граждане, то нам бы хотелось все-таки жить в европейском обществе. Напомню вам, что самые кондовые тамбовские помещики, которые пороли крестьян в XIX веке и пили водку, все равно хотели жить как в Европе.

— **Ф. Лукьянов.** Если пользоваться вашей метафорой по поводу увядающей Венеции с одной стороны и белой Нигерией с другой, то тогда союз-то Европы, т. е. вот этих двух величин, что дает?

— **С. Караганов.** Это не безальтернативно. Не обязательно Европа — Венеция, а мы Нигерия. Повторяю, есть еще третий вариант.

— **И. Юргенс.** Первым замечанием я подтверждаю 45-летнюю дружбу с Карагановым. И то, что выпивали, тоже подтверждаю. Практически как тамбовские помещики, но Сергей никогда никого не порол в прямом смысле этого слова.

Соответственно, мы написали эту книгу, как в известном романе сказано, как братья Гонкуры: я сидел и охранял рукопись, а Караганов бегал по редакциям, куда-нибудь пристраивая ее. Но бегал довольно долго, я лучше выполнил свою функцию охранителя, потому что начинается она именно с того, что американцам врезают по полной за то, что они будут делать ПРО в Чехии и Польше. Слава Богу, сия чаша нас миновала, как миновали нас и некоторые другие «чаши» других опасений, которые Сергей Александрович очень выпукло высказал.

Я хотел бы начать с того, где он закончил, напугав нас до смерти тем, что мы чуть ли не разойдемся с Европой, но все-таки сказал, что мы будем с ней, скорее всего, вместе. Я хотел бы сказать, что моя позиция и, наверное, позиция института, я думаю, потому что мы тоже в Институте современного развития написали несколько брошюр на эту тему и работаем над проектом, совместно, кстати, и с университетом [ВШЭ], и со СВОПом, и с «Валдайским клубом».

Наша позиция заключается в том, что Россия должна вступить в ЕС и в НАТО. Долгий процесс, очень непростой, но это будет менее болезненно для нации, чем другие варианты, очень ярко описанные в речи Сергея Александровича.

Что для этого надо делать? Это вполне инструментальные вещи, где нас не отвергали. Кто-то помнит, наверное, неформальные разговоры Джорджа Робертсона и Владимира Владимировича Путина в 2001 году о том, а почему бы не вступить [в НАТО]. И до этого заходы были у Бориса Николаевича. Нас не отвергали. Просто нам ставили условия, которые в тот момент казались абсолютно неприемлемыми. И действительно, как Сергей Александрович выпукло показал, на фоне упоения довольно мифической силой мы эти условия отвергали.

В связи с упоением я хотел бы привести цитату из Дмитрия Анатольевича Медведева, не из сегодняшнего послания, а несколько более раннюю цитату. Он так сказал: «Обидчивость, кичливость, закомплексованность, недоверие и тем более враждебность должны быть исключены на взаимной основе из отношений России с ведущими демо-

кратическими странами. Мы должны уметь заинтересовать партнеров, вовлечь их в совместную деятельность. Если для этого нужно что-то изменить в самих себе, отказаться от предрассудков и иллюзий, так и следует делать». Я не имею никаких оснований для того, чтобы не верить президенту и тем более не встать в ту когорту, которая хочет именно такого развития событий.

Дальше, к инструментализму. Мы сейчас, исходя из кичливости, в том числе энергетической, предположим, заявили, что мы выходим из договора об Энергетической Хартии, сделали соответствующий демарш в Лиссабоне. Какие-то прогрессивные силы сконцентрировались и, насколько я знаю, у переговорщиков есть инструкции вернуться на площадку ДЭХ с нашими предложениями, но в рамках именно этой парадигмы, т. е. энергетического сотрудничества, а не разрыва отношений.

ВТО. Да, все шло довольно долго. Да, нам говорили, что мы должны заплатить в том числе политическую цену. Да, мы ее собирались заплатить, потому что это соответствует интересам демократического развития России. В какой-то момент нас сорвало с резьбы, и мы применили довольно оригинальный ход для того, чтобы или ускорить, или окончательно утопить идею присоединения к ВТО. От первых лиц государства мы слышим, что нет, это наш приоритет. Соответственно, давайте вернемся к нормальной переговорной позиции, давайте экзотику Таможенного союза оставим как экзотику таможенного союза, причем с одним из очень нелегких партнеров по этому таможенному союзу, и вступим в ВТО. Наше возвращение на площадку ДЭХ, наше вступление в ВТО, которое, как госпожа Набиуллина прошлым летом говорила нам, в течение месячной достижимости, и наше вступление чуть более дальнее в Организацию экономического сотрудничества и развития создают абсолютно технологическую платформу для совместной экономической жизни с Европой. Одинаковые стандарты, одинаковые правила торговли, предоснования для того, чтобы объявить вообще Европу и Россию зоной свободной торговли сначала, затем, поговорив о политике, вступить в общий союз.

Приблизительно такая же история с НАТО. Я к ней чуть-чуть больше вернусь дальше в своем выступлении. Считаю, что тезис Сергея Александровича, о котором мы всегда с ним спорили, что Европа слабеет, а Россия усиливается, он как минимум спорный.

По поводу «ослабления» Европы. Философски, с точки зрения вливания в этот союз Албании, Румынии, такое ослабление временно возможно, но я не думаю, что это стратегическое ослабление Европы. Сейчас из этого кризиса, если кто видел последние цифры Всемирного Банка, платежный баланс почти выведен в нули, валюта очень сильна, рост промышленного производства начался, складские запасы истощаются. Европа выходит из этого кризиса очень, очень достойно, лучше Соединенных Штатов, уж не говоря о нас, и чуть слабее Китая.

Про усиление России сегодня сказал президент. Если это усиление где-то и произошло до грузинского конфликта, лучше бы его вот так не трактовать, иначе повторится пагубный цикл российской истории, когда в 1905 году группы влияния пришли к царю и сказали, что мы «мягкой силой» Корею и Манчжурию не возьмем, давай-ка «вредим». Врезали, так называемая Позорная война, революция 1905 года, предтеча Первой мировой [войны]. Опять сумели подняться, опять сумели выйти на пятое место в мире, экономически восстановиться, концессии, железные дороги и т. д. Опять пришли к царю, к царице: вступи в этот союз, вступи в тот союз. И Дурново, и до этого Витте, все говорили: дайте 20 лет мира, потом разберетесь с войнами и вступлением во всякие

авантюры. Нет, сорвалось, и больше уже не было Российской Империи и той культуры, о которой Сергей Александрович говорил.

Нам не надо сейчас упиваться эфемерностью нашей силы, надо концентрировать силы, делать реальную силу, делать множество реформ, прежде чем ввязываться в какое-либо новое геополитическое образование или что-то в этом роде. И если вступать, повторяю, в те экономические организации, о которых я упомянул, — ВТО, ОЭСР, Договор энергетической хартии — это дает нам то законодательство, которое у нас нет интеллектуальной возможности самостоятельно разработать. Посмотрите на деятельность наших законодателей, и вам станет это понятно.

Сегодня президент в своем послании только об одной вещи сказал, что примените, пожалуйста, наконец, стандарты Европейского Союза в области строительства. Люди в этом зале, которые строительством здесь занимались, знают, что построить по стандартам, по ГОСТам, существующим сейчас, без воровства просто нельзя. Ни западный скоростной диаметр, ни одну платную дорогу. Поэтому давайте примем правила, которые апробированы, международные, мировые и начнем двигаться по пути модернизации, не обманывая себя тем, что кто-то слабеет, а мы усиливаемся.

Мы все знаем из политологии, что у каждой страны есть четыре компонента силы — та самая *soft power*, Сергей Александрович упоминал. Где наша *soft power*? Где наше влияние моральное на ближнее или дальнее зарубежье? Какую миссию мы несем, кроме того, что всегда, везде себя как Шахсей и Вахсей в магометанских странах обвиняем в массовой и невозможной коррупции? Какую еще мы миссию сейчас несем? Поэтому про *soft power* мы не говорим.

Military power? Ну, последняя наша военная реформа показывает, какая у нас *military power* и сколько нам еще до нее жить и жить. Надо, оказывается, вертолетоносцы покупать и другие платформы у Франции и других стран НАТО. Союз России и НАТО уже давно занимается унифицированием оружия. И насколько я знаю от прогрессивных наших военных, мы очень хотим закупать там всё это дело. А наш корпус офицерский начинает учиться в американских академиях. Где это, так сказать, желание воевать такое особое?

Energy? Да, у нас есть третий компонент — энергия, но здесь мы немножко начинаем, когда играть им в рамках этой кичливости, попадаем в очень сложные ситуации.

И политической силы пока нет. У нас нет союзников таких, с которыми мы могли бы противопоставить что-то очень сильное этой идее упоения силой. Поэтому с моей точки зрения есть технологические шаги, к которым можно и нужно вернуться. Есть силы модернизации, — согласен с Сергеем Александровичем, что они в меньшинстве, — которые понимают, как это делать. Если они проигрывают, с сожалением должен признать, что, наверное, для решения глобальных проблем, стоящих перед Россией, другого как сырьевой придаток Китайской Народной Республики нет. Но хочу подчеркнуть две вещи. Первая, само по себе унижительно так себя называть великой державе, которая не потеряла корней Толстого, Достоевского, Чайковского, маршала Жукова, в конце концов. И второе, что все проблемы Китайской Народной Республики впереди с моей точки зрения. Она не решила пока этапа доиндустриального развития для семисот миллионов людей. У нее нет социального страхования. У нее нет пенсионного обеспечения. У нее нет здравоохранения, вообще говоря. Иголки это очень хорошо, но они развились именно из-за того, что в стране нет системы здравоохранения пока. Да, очень сильный сектор, который возник на рыночных реформах Дэн Сяопина. Он придет неизбежно, мы

знаем по собственному примеру, в противоречие с суперцентрализованным принятием решений. Китай учится. Он учится даже быстрее нас. Например, идея регулярной смены власти. Мы играем со всякими идеями, а Китай, Китайская коммунистическая партия раз и навсегда решила, что нет, пять лет генсеку и никогда никаких возвращений и поворотов. Этому конечно можно придать большое значение.

Поэтому мы написали с Сергеем Александровичем то, что написали. Он написал более резко. Это всегда было ему свойственно. Я написал более мягко. Думаю, что генерально мы с ним в одной стезе европеизма, что, безусловно, не исключает, подтверждаю полностью, варианты, рассматривавшиеся нами, и особых отношений с Соединенными Штатами, это решило бы много проблем, и с Китайской Народной Республикой, но здесь до определенных пределов.

Так ли плохи отношения, что два-три года не о чем говорить? Я не разделяю такую точку зрения. Я был российским делегатом на совещании министров обороны НАТО в Братиславе. Я могу сказать, что кроме наших лимитрофов, которые теперь уже довольно мягко говорят о каких-то кибернетических атаках, остальные люди говорят совершенно о другом. Министр обороны Соединенных Штатов говорит о создании глобальной противоракетной системы вместе с Российской Федерацией. Он говорит о других очень важных вещах сотрудничества. То, как выступил генеральный секретарь НАТО Расмуссен, это в принципе может быть даже Варшавскому Договору не снилось. Поэтому я не думаю, что генетически детерминирован наш какой-то развод даже на три, пять лет. Ткань отношений более глубокая, 56% торговли с Европейским Союзом, товарооборота, факт. Приостановление этого смерти подобно. Валютные запасы там, где они есть, личные интересы большого количества людей, в т. ч. политических руководителей высокого ранга там, где они есть, и т. д.

Так что я чуть более оптимистичен, чем мой 45-летний друг, во многом и наставник по многим вопросам, Сергей Караганов.

— **Ф.Лукьянов.** Единственно по вашему выступлению уточнил бы, что те 20 лет мира, которые когда-то не дали Витте и Столыпину, и которые сейчас тоже под вопросом, все-таки они зависят не только от внутреннего состояния страны, но еще немножко от внешних вызовов, которые, к сожалению, сейчас существуют объективно. И тут конечно нужен, наверное, какой-то баланс прохождения между этими внешними и внутренними проблемами.

— **И.Юргенс.** Для соблюдения баланса врезали грузинам, я поддерживаю. Но всё, ребята, давайте еще подумаем о других альтернативах.

— **Ф.Лукьянов.** Ну, если не будет следующих «грузин» только.

— **С.Брилев.** Два коротких эмпирических примера. Позавчера я спустился в метро, это не так редко со мной происходит, но позавчера совсем повезло. Я оказался единственным русскоязычным на весь вагон. При попытке взять такси позавчера у станции метро «Теплый Стан» у меня тоже возникли проблемы с коммуникацией на государственном родном языке в городе-герое Москве. Те, кто меня хорошо знают, в курсе, что я

очень много езжу по стране, и в какой-то мере даже пеструю уникальные русско-тувинские или русско-якутские отношения и т. д. Но, признаюсь честно и не побоюсь сказать это вслух, мне ценна европейско-христианская личина, в целом присущая нашей стране.

Больше того, в разговорах с якутами, с татарами, с кем угодно, когда ты говоришь на этот счет всерьез, все равно ты на эту самую «европейскость» выходишь, пусть даже в нашем специфическом понимании этого термина.

Так вот, помимо того, что мы в последние несколько лет стремительно меняем нашу физиономику, по крайней мере, на примере крупных городов это видно, за последние полтора года проявилась еще одна тенденция, которая абсолютно противоречит тому, чему я не раз посвящал свои выступления здесь на СВОПе. Полтора года назад я любил порассуждать на тему, что Бог, мол, с ним, с Китаем, все равно все детей отправляют в Англию с Америкой учиться. Но за последние полтора года среди моих знакомых, хорошо зарабатывающих людей, все больше и больше тех, кто младшенького отправляет в Лондон, а старшенького — в Пекин. И это совершенно новая штука, которой еще совсем недавно не было. Поэтому помимо всех прочих аргументов в пользу отношений с Европой, мне кажется, что сейчас союз с Европейским Союзом всё более важен, в частности, для меня потому, что это еще и способ сохранить нашу европейскую идентичность, которая, я все-таки полагаю, базовая для России, причем, подчеркиваю, не только для русских ее жителей, но и для людей иных национальностей и конфессий, которые, тем не менее, о «европейскости» рассуждают.

Второй момент. Мне очень интересно то, что сейчас выдается «на гора» парой наших исследовательских центров, работающих, кстати, вовсе не обязательно на самые либеральные силы, и которые предлагают подумать о том, кто кому в мире становится конкурентом. Собственно говоря, в этой книжке есть рассуждения о снижении ли роли Европы или о том, что она начинает проигрывать в конкурентной борьбе. А собственно кому она начинает проигрывать? Сравнивать Европу с Россией не приходится, потому что в общем структура экономики такова, что странно называть нас конкурентами на мировой экономической площадке. Наша роль поставщиков сырья и энергоносителей, а также услуг — это скорее взаимодополнение, чем конкуренция. Если уж Европа с кем-то конкурирует, то, скорее с Соединенными Штатами в геоэкономическом смысле, но не с Азией. Там немножко другое производят и по-другому. Посему российско-европейское сближение опять же в какой-то степени вынужденное, потому что если действительно рассматривать всю эту конструкцию с точки зрения конкурентоспособности, то мы просто обречены, мне кажется, на союз.

И третье соображение, последнее. Оно будет априори поверхностным, потому что я, признаться, только начал сам для себя вгрызаться в эту тему недавно. Но мне кажется достаточно лукавой дискуссия, — повторяю, я эту книгу пока только по диагонали просмотрел, не знаю, есть ли здесь это или нет, — но контраргументы лукавыми мне кажутся против российско-европейского энергетического сотрудничества под соусом того, что эра углеводородов все равно проходит, а альтернативная энергетика набирает чудовищные привлекательные обороты в Европе.

Я пообщался с несколькими людьми, которые понимают в этой теме, и понял для себя, я повторяю, что сейчас достаточно вульгарно это сформулирую скорее всего и весьма поверхностно на взгляд тех, кто в этом действительно толком разбирается, но пока альтернативная энергетика — это фикция, которая начинает быть рентабельной

только при уровне цен на нефть там, понятно, где они были до кризиса. Сейчас, к счастью, цены вернулись туда, где они есть. И мне думается, что это одна из тех областей знаний, которая с обеих сторон, и с российской стороны как страны-поставщика углеводородов особенно, требует куда более широкого разъяснения. Потому что по понятным причинам действующее лобби, выступающее за эту альтернативную энергетику, — это совершенно замечательные экологические проекты, но оно вводит в заблуждение европейских избирателей и даже европейский политический класс относительно того, как он может обойтись без России, в данном случае в узком понимании России как поставщика углеводородов.

Подытоживая, могу сказать, что это лишь дополнительные аргументы, которые я не нашел, по диагонали взглянув в книжку, но считаю нужным высказать в подтверждение того, о чем здесь рассуждали Сергей Александрович и Игорь Юрьевич.

— **Е.Савостьянов.** У меня скорее вопрос к авторам. Вы так «чиркнули» по этой теме легонько. Как все-таки будет меняться проблема в связи с заключением Лиссабонского договора, по вашему мнению?

— **В.Воронков.** Я с большим интересом ознакомился с книгой и могу сказать, что уже 220 страниц текста говорят о том, что отношения с Евросоюзом развиваются в общем-то достаточно динамично, несмотря на все проблемы, о которых написано в книге. У нас беспрецедентный политический диалог. Саммиты проходят 2 раза в год. У нас очень высокий объем торговли — более 400 млн. долларов (говорю в долларах, потому что в евро будет чуточку меньше, в долларах более солидно звучит). У нас очень неплохое сотрудничество по кризисному регулированию. Возьмите нашу можно сказать совместную операцию по стабилизации на Южном Кавказе. Это один из примеров сотрудничества по тематике, которая сложна и для наших партнеров, и для нас.

Более того, я могу сказать, что мы и Евросоюз друг для друга — очень трудные партнеры. Евросоюз естественно выстрадал свое расширение в течение долгих лет. И последние годы вообще занимался только расширением. У нас шло становление новой государственности. Поэтому ясно, что какого-то рывка в наших отношениях просто по объективным причинам быть не могло. С этой точки зрения на сегодняшний день мы прошли весьма значительный путь в своем сближении и в своем развитии. Этот тренд будет продолжаться, поэтому содержащиеся в книге формулировки, что мы в тупике, что надо ждать до 2014 года, они с точки зрения того, чтобы побудить дискуссию, абсолютно правильные, но с точки зрения объективной реальности — немножко не отражают существующую действительность.

Что касается китайского угла, давайте сравним даже обороты торговли, потому что у нас порой у самих складывается неправильное впечатление, где же все-таки основной вектор. Где-то 66-70 млрд. долларов торговля с Китаем, и 400 млрд. долларов с Евросоюзом. И потом китайский выбор для меня станет очевидным только тогда, когда первый российский олигарх поселится на китайской земле.

— **С.Алексащенко.** Мне кажется название книги «Противостояние или союз?» достаточно провокационное, осознанное, но я согласен с обоими выступающими, что у нас нет выбора. В конечном итоге Россия и Европа — это соседи, но хуже не бывает по-

ложения, когда ты с соседом враждуешь. Поэтому просто хотя бы из каких-то таких житейских соображений мы обречены на то, чтобы с Европой выстраивать нормальные добрососедские отношения, даже если за этим не последует политического союза. Именно об этом, мне кажется, говорил до меня представитель МИДа. Мы ведем интенсивный диалог, т. е. с точки зрения добрососедских, МИДовских отношений у нас все в порядке. Только, видимо, авторы хотят большего. Мне кажется, что собственно об этом идет речь.

Когда Сергей Александрович сказал, что мы обречены на какой-то более тесный союз и нам нужно к нему двигаться, мне только подумалось, что Европа может подождать. У Европы есть другие проблемы, которые ей нужно решать. И «переваривание» этих новых стран восточноевропейских. Еще не все восточноевропейские страны вступили. Лет на 10 им хватит своих внутренних проблем. Введение Лиссабонского договора, новая структура управления, — т. е. у Европы есть некие внутренние задачи, которые ей предстоит решать. И объективно все силы Европа может направить именно туда.

Вопрос — есть ли у России эти 10 лет? Мы 10 лет продержимся или мы уже станем к тому времени «белой Нигерией» и не будем представлять для Европы никакого интереса? Честно говоря, мне бы хотелось, чтобы наши дискуссанты ответили на этот вопрос, высказали свою точку зрения. Моя-то логика подсказывает, что в такой ситуации Россия должна выступать инициатором союза. Это в наших интересах, потому что у нас лимит времени гораздо короче. У нас нет времени на длинную игру. У нас нет времени ждать 10 лет, пока Европа решит свои проблемы и начнет инициировать какие-либо соглашения с нами. Она может вообще этого не делать. Она может заниматься решением своих проблем.

И Сергей Брилев поднял очень важную тему про энергетику. Мне кажется, что мы ее по своей традиционной привычке как «великая энергетическая держава» немножечко недооцениваем. Но последний доклад Международного Энергетического Агентства говорит о том, что ситуация на нашем родном нефтегазовом рынке в мире резко меняется. И она меняется в первую очередь на американском континенте, потому что Америка сделала большой прорыв в технологии добычи газа из сланцевых пород, из твердых пород, и ожидается, что в течение 5-6 лет доля сланцевого газа в Америке составит примерно 50% от объема потребления газа в Америке.

За те же самые 5 лет Канада должна выйти на добычу нефти из битумных песков в таком объеме, чтобы полностью удовлетворять потребности США в импорте нефти. Это означает, что США могут отказаться от импорта нефти после этого из всех других регионов мира. Просто заключить долгосрочный контракт с Канадой на поставку нефти, тем более что трубу проводить близко. Мне кажется, что нужно четко понимать, что избыток газа в Америке, появление избыточного сжиженного газа, который Америка не потребляет, неизбежно ведет к снижению цены на газ в Европе. И вот это будет сильно менять позиции российских нефтегазовых компаний на европейском рынке и их возможности. Это, с одной стороны, угроза, такое снижение цен.

С другой стороны, Сергей [Брилев] об этом говорил, но как-то с иронией, что, дескать, Европа очень сильно вложилась в альтернативные источники энергии. Вы знаете, Европа страшется. Чем выше цены на нефть и газ, тем выгоднее альтернативная энергетика. Это не ерунда. Я серьезно утверждаю, что Европа всерьез вкладывается в альтернативную энергетику, причем на уровне начиная от таких мегапроектов типа использования солнечной энергии в Сахаре и строительства этих гигантских линий пере-

дачи электроэнергии из Сахары в Европу, и кончая микроустановками, которые ставят домашние хозяйства. И это будет стратегическим направлением. Оно будет направлением как развития промышленности, т. е. будет новая производственная база в Европе, так и возможностью освобождения от той энергетической зависимости от России, которую мы наблюдаем. И если мы будем ждать опять те же самые 10 лет, то эта наша энергетическая связь тоже может обрушиться.

— **Энтин М.** Я хотел начать с комплимента Сергею Александровичу — слушать вас всегда удовольствие, вне зависимости от того, согласен или не согласен, но вдвойне приятно, когда идеи совпадают. И тем более великая сила, когда вы объединяетесь с Игорем Юрьевичем.

Был задан вопрос в отношении Лиссабонского договора. Если вы обратили внимание сейчас на платформу нового германского правительства или новых властей в Германии, то там переформатированы отношения с Российской Федерацией. Словосочетания типа «стратегическое партнерство» или что-то вроде этого выведены. Этого нет. Большие, хорошие отношения, но уже совершенно другая лексика. Это коррелирует с Лиссабоном. В Лиссабоне совершенно четко сформулировано — стратегические отношения могут быть только со странами или с регионами, с которыми есть совпадения в отношении внутренней политики этих государств. Это принципиальный вопрос.

Если раньше мы только говорили о том, что нет китайской стены между внутренней политикой и внешней политикой, то сейчас никакой внешней политики, не поддерживаемой внутренней политикой, быть по определению не может. Какая внешняя политика, такая и внутренняя, какая внутренняя, такая и внешняя. Поэтому, конечно, идеи бы сильно выигрывали, если бы одновременно была и корреляция с тем, что конкретно должно делаться внутри страны.

А дальше перекидываю мостик. Смотрите, в области безопасности — сложные отношения, чрезвычайно сложные отношения с ЕС, с НАТО, с другими. Была выдвинута вовремя идея, инициатива, она заработала на позитивную программу, просто обсуждение перешло в позитивный ключ. Такой идеи или такой инициативы в области экономики нет. И мы очень сильно выиграли бы, если бы изложили такую инициативу в экономической области, причем начинать можно было бы с реальной открытости экономики и несколько другого осмысления того, что является стратегическими областями экономики.

Всегда у нас очень большой замах. Если идти, то на союз, если двигаться, то на 15-20 лет вперед. Почему бы не начинать с каких-то очень пробных, очень простых, очень естественных шагов? Понятно, что не получается общее пространство экономики, не реализуются «дорожные карты», возникает множество проблем — ВТО и прочее. Почему бы не начать с того, чтобы попробовать, а не завести ли роман с Ассоциацией Свободной Торговли, не посмотреть, какие есть там возможности? Что касается норвежцев, они бы поддержали моментально и наоборот лоббировали бы это, как они это стараются делать в целом ряде проектов и структур. Можно посмотреть и другие варианты, т. е. целую систему промежуточных шагов.

И что касается тупика или не тупика в отношениях между Россией и Европейским Союзом. Это всё вкусовые определения. Можно смотреть с одной стороны, можно смотреть с другой стороны, но совершенно очевидно, что если будут сформулированы

четкие позиции в отношении ВТО, в отношении возвращения в процесс Энергетической Хартии, как это было обговорено в Хабаровске, или какие-то другие вещи, когда будут не просто прокламации, а четкие, небольшие, но уверенные практические шаги, то и все вопросы в отношениях с Евросоюзом будут решаться быстрее, лучше и эффективнее.

— **Л. Григорьев** Я обязан что-то сказать про энергетику. Во-первых, по европейским и прочим планам все-таки мы видим, что политический поворот в сторону эффективности произошел. Экономический — идет перестройка. Конечно, при этих ценах это не произойдет в те сроки, которые намечает ни уважаемый Барак Обама, ни Брюссель. Это они себя тешат. Напомню, что доля возобновляемых источников энергии в США за последние 15 лет снизилась. В Европе она растет очень медленно. И внезапной радикальной перемены там быть не может. Первые опытные большие станции по «закапыванию» CO₂ собираются строить, если будет полтора миллиарда евро откуда-нибудь. Вот их построят, опробуют. До 2020 года ничего по углю не произойдет в Европе. Просто не существует коммерческих технологий, это иллюзии. Но, тем не менее, как политическое решение, мы из страны, где много принималось политических решений без технологий, что мы-то будем показывать пальцем на Европу. Они приняли решение о строительстве угольного коммунизма в 10 лет — построят в 20.

Второе. Конечно, мы европейцы. Мы так обучены. И пока у нас существует нормальное школьное образование, где в 5-м классе у меня дочка знает, что такое шадуф, а большинство европейцев и американцев — уже не знают; где греческие и римские законы Солона являются частью культурного бэкграунда, — конечно, мы европейцы. Это пока у нас есть качественное образование. В Советском Союзе, не имея возможности политической жизни, мы читали книги и стали жутко образованными. И в 1990-е, и в 2000-е годы российский, бывший советский турист в Европе в Шартрском соборе — это была единственная массовая группа туристов, в отличие от всех других национальностей, не буду никого обижать, он был единственный, который знал, зачем он вообще сюда приехал. Всех остальных просто привезли посмотреть на Шартрский собор, потому что это обязательно по дороге из Мон-сен-Мишель в Париж. А наши знали, зачем они едут. Да, но это знали те, кто учились при Советском Союзе. А те, кто учатся сейчас?

Поэтому у нас есть одна маленькая задача. Когда мы говорим, что мы европейцы, мы все время думаем: это у нас возрастная мiорiа. Это мы, может, еще европейцы. А вот если мы младшее поколение, массовое, не студентов Вышки и еще 14 федеральных и полуфедеральных университетов только — не обучим, если мы этого не сделаем, то мы тогда пройдем этот период временной барбаризации в окончательную. Во всех латиноамериканских странах при огромной поляризации есть несколько хороших университетов, где лучшие выпускники потом уезжают работать в США. Ну и что? И живут они так столетиями, и у них никаких амбиций.

Первое, если мы хотим в Европу, нам нужно внутреннюю Европу в себе и внутри страны не потерять, а как-то восстановить в человеческом виде. А то мы все претендуем, но надо что-то делать по этому поводу.

Еще одна вещь. Я только что оттуда и как раз попал туда после соглашения премьеров. Меня с интересом спрашивали, собираемся ли мы всё это с газом делать. Потому что Китай упирается в предел угольной экономики и им нужен газ. Я думаю, что восточное направление нам надо развивать. В какой форме? Конечно, нам надо это де-

лать одновременно с резким углублением переработки всех углеводородов своими руками. И инновации наши должны идти, конечно, от энергетики.

Я просто напомню, тут есть студенты, которым это полезно знать. Мы производим примерно 11,5% мировой первичной энергии, т. е. всё — от атома до кизяка. Мы экспортируем примерно половину. Что это значит? Потребление Германии — это 2,8% мировой первичной энергии. Мы производим четыре потребности Германии по энергии, две из них потребляем сами, и две экспортируем. Мы — невероятная, чудовищная энергетическая машина, созданная в Советском Союзе для социалистического лагеря. Это не имеет никакого отношения к потребностям России.

В мире страны тратят примерно 1% с небольшим своего ВВП на энергетический сектор, на капиталовложения. Это примерно 5% мировых инвестиций. Да, но мы-то тратим четверть мировых инвестиций! Если у нас в нынешнем году в ВВП норма накопленных 17%, из них 4% — в энергетику, на остальное-то остается 13%. Мы что, собираемся делать инновации, модернизацию с 13% ВВП? В США — 20%. То есть у нас внутренняя структура экономики выстроена на снабжение мира. Мы не можем выскочить из этого, но мы должны культурно понимать, что мы, с одной стороны, обеспечиваем мир, с другой стороны, мы обеспечиваем эту энергетику. В-третьих, эта энергетика обеспечивает нас некоторым доходом, с помощью которого мы должны модернизировать все остальное и потихоньку уйти от энергетической зависимости. Это чудовищной сложности задача. Она никогда не решалась. Поэтому это творческая задача. Никаких готовых рецептов на этот счет нет. Но единственное, что точно известно, — что она решается только одним способом. Она решается путем последовательных неконфликтных усилий в течение поколения. Она не решается в 2 года, в 5 лет. Она не решается судорожными движениями туда-обратно, только устойчивой политикой при определенной политической установке за поколение.

— **И.Юргенс.** По Лиссабонскому договору. Я считаю, нам рано говорить о том, как изменится Европа после Лиссабонского договора, потому что учреждаемые два поста президента и министра иностранных дел не имеют понятного мандата. И каждый будет у Барозу или у Дальме, т. е. у существующих чиновников будет потихонечку все это дело отбирать. Мы видим эту интригу вокруг фигуры этих лиц. Потому что если это Блэр, он выхватит большой кусок, а если это Юнкер, может быть поменьше, и т. д. Поэтому разбираться с Лиссабонским договором надо, но потом, с моей точки зрения, но кардинально это ничего не меняет лично в моей позиции. Надо вступать в Европейский Союз при соответствующих обстоятельствах. И то, что МИД говорит в лице господина Воронкова абсолютно правильно о том, что достигнутое статус-кво в настоящий момент — это пик. Я не думаю, что дальше мы будем его наращивать, т. е. нашу переговорную позицию, в силу причин, о которых очень ярко сказал Алексашенко.

Что касается энергетики, я абсолютно согласен, что не надо ни в коем случае этой чванливости, потому что упомянутое строительство солнечных батарей в Сахаре. Когда мне сказали, что своими техническими резервами начинают рисковать, вкладывая их в этот проект, такие компании страховые как «Альянс» и Мюнхенское перестраховочное общество, мне становится ясно: значит, немцы приняли это решение. И декларация о том, что к 2020 году 40% электричества будет поступать из Сахары, я думаю, что с немецкой педантичностью они выполнят. Это одна страна. Кстати, у нее эта «зеленая экономика» растет самым высоким темпом. Там уже занято полтора миллиона людей. И

средний прирост 13%. Такая же «зеленая экономика» поставлена как задача перед французами и т. д.

Вы знаете о директиве еще Буша о переходе на альтернативные энергоносители. И 20 млрд. долларов тратится там. Это в дополнение к тому, о чем сказал Алексашенко. Поэтому надо скорее делать то, о чем сейчас сказал Григорьев. Нам дано огромное богатство. И если газ — это в основном топливо, то из нефти, как известно, изготавливается до тысячи различных очень важных продуктов от питания до строительных материалов. Но мы этим не занимаемся. Вчера перед правлением Российского союза промышленников и предпринимателей вновь Алекперов свою боль изложил. Если мы будем увеличивать по факту налоговую нагрузку на отрасль, то как мы хотим, чтобы она диверсифицировалась? Ему просто придется вывозить всё больше и больше сырья. И не будет он строить нефтехимических заводов по более тонкой переработке. Поэтому надо думать и надо исходить не из того, что мы великая энергетическая держава, очень хорошо, что нам это дано, что мы можем расплачиваться пока за все эти наши экстравагантности, но им придет конец. И надо действительно заниматься своим национальным планом, о котором сегодня сказал президент.

— **С.Караганов.** Мне кажется, сейчас здесь были не столько вопросы, сколько дополнение и расширение дискуссии, поэтому я не буду реагировать на всё.

Первое, что я хочу сказать, что за последние, по-моему, лет 10 никогда так остро не стоял вопрос России и Европы как сейчас. 5-6-7 лет назад не стоял. Но сейчас он снова встал. И его нужно продумывать в совершенно новых условиях, потому что условия быстро меняются.

Второе, это несколько раз в нашей дискуссии прозвучала оценка Китая. И как когда-то и до сих пор вопрос о подходе, об отношении к Европе был вопросом самоидентификации в какой-то мере и вопросом политической ориентации того или иного человека, группы людей, таким вопросом становится и оценка Китая. Мне кажется, что наша оценка развития Китая на основе той экспертной работы, которую мы ведем и у нас в Совете, и на факультете, и в соседних с нами и близких нам группах, и с нашими иностранными коллегами, — оценка Китая неадекватна в России. Мы сейчас будем серьезно развивать наши китайские исследования, потому что в России они устарели и безнадежно отстали. И российские экономические связи с Китаем устарели.

Российские экономические связи с Китаем — это сочетание старых советских связей, чуть-чуть газа и торговля дальневосточных бандитов. Нормальных экономических отношений у нас с Китаем нет и нет настоящего понимания. Что же касается того понимания, которое вырабатывается в ходе дискуссии, то экономический и технологический потенциал Китая, как мне кажется, в России недооценивается, во всяком случае, возможности его роста на ближайшие годы. И мы недооцениваем возможности китайской модели саморазвиваться, уже не только копируя и развивая что-то, но и производя новые социальные и экономические технологии. Повторяю, это вопрос, который мы должны будем сами для себя обсудить, не идеологизируя его. Потому что наши либералы до сих пор говорят, что Китай рухнет, а наши, условно говоря, «левые», наши «консерваторы» и наши антиевропеисты говорят, что Китай — это наше будущее. Нам нужно очень внимательно и реально посмотреть на отношения с Китаем.

Моя оценка пока заключается в том, что Китай на ближайшие 10-15-20 лет заведен на модернизацию и рост. А на большее и нечего думать. И вопрос не в том, нужна ли российская экономическая переориентация, а значит, частично, и политическая на Китай. Мне кажется, что эта ориентация может просто быть очень невыгодной России на тех условиях, на которых развивается Россия. Вопрос заключается в том, что мы культурно-технологически варваризируемся, уходя от нашего европейского пути. И можем превратиться в сателлит кого угодно, в т. ч. Китая, не потому что Китай хороший, а потому что мы можем демодернизироваться по всем направлениям. Наша страна по всем направлениям кроме военной реформы демодернизируется последние несколько лет. Это в том числе является результатом и частичного внутреннего отказа российской элиты — временного, я абсолютно уверен, — от так называемого европейского выбора. Это первый вопрос.

А второй вопрос о том, что надо идти к Европе. И тут мы спорим с Игорем Юрьевичем, и сейчас неявно спорим. Я этот спор поставлю в более явную форму. Игорь Юрьевич говорит, давайте вступать в НАТО и давайте вступать в ЕС. Я говорю, понимаете, проблема — цену какую мы готовы заплатить за это. Цена эта пока запретительна. Запретительна для того состояния души, в котором мы находимся. Понимаете, душевное состояние России таково, что мы не можем отдать суверенитет, пока во всяком случае, или поступиться частью суверенитета. Это первое.

Второе — это вопрос о том, а хотят ли? Во-первых, какую цену от нас попросят? А во-вторых, вообще хотят ли? Я абсолютно твердо говорю, что пока даже цель вступления в Евросоюз мне кажется непродуктивной, хотя сближение с Европейским Союзом и с точки зрения стандартов, и с точки зрения законов абсолютно необходимо.

Кстати, если вы посмотрите нашу книжку, в ней Сергеем Чернышовым, блистательным совершенно специалистом по российско-европейским отношениям написано, по-моему, лучшее, что есть в российской литературе по российско-ЕСовским экономическим отношениям. Там есть и программа. Поэтому это не только проблема России.

В конечном итоге все-таки есть проблема, что в 90-е годы россияне не считали себя проигравшими, а с ними поступили как с проигравшими. Это проблема философская, которую каким-то образом надо решать. И пока мы ее не решим, она будет мешать всем остальным сближениям. Поэтому мне кажется гораздо более важным, чем стремление вступить в Европейский Союз, — я при этом не отрицаю необходимости продолжения переговоров, пусть и бессмысленных с моей точки зрения — это, конечно, преодоление военно-политического противостояния.

Мы сейчас готовим новую серию предложений с нашими МИДовскими коллегами, с коллегами из других ведомств, с Игорем Юрьевичем и его коллегами, по новой концепции создания единого евроатлантического пространства безопасности. Мне кажется, что в области безопасности проблема все-таки решается и что корень там. Надо преодолеть военное противостояние, оставшееся нам от «холодной войны» и доведшее нас до новой войны, пока дело не зашло слишком далеко. Если мы начнем преодолевать военное противостояние, многие вопросы, в том числе и цена, которую готова заплатить российская элита, могут измениться.

И последнее. Мы должны понимать, что Европа, повторяю, не единственная «зеленая экономика». Я думаю, что через 5 лет мы увидим, что Китай является лидером «зеленой экономики». Нам нужна модернизация, но модернизация не на словах, и модернизация не лунатическая, которую предлагаем мы сами себе — давайте станем вели-

кой технологической державой, создадим новые отрасли хайтека, — а модернизация там, где это возможно, и где у нас есть относительные конкурентные преимущества. С моей точки зрения, — это сфера сельского хозяйства и все отрасли с ним связанные, еще несколько отраслей. Это первое.

И второе, нам нужно понять, что европейский выбор есть для России выбор модернизации экономики и общества, но через модернизацию общества и политики. Мы доказали сами себе в последние годы, что по пути, по которому мы шли, дальше модернизироваться нельзя, нужно модернизировать политическую и социальную систему. Мы уперлись.

— **С. Марков.** Я, прежде всего, поздравляю авторов с книгой, которую мы с удовольствием читаем. Теперь по существу. Прежде всего, мне кажется, противостояние с Евросоюзом будет крайне неконструктивно, очень дорогостояще и не должно рассматриваться вообще как реальная альтернатива, в то время как коалиция с Евросоюзом будет крайне выгодна для России. Полагаю, в какой-то мере это понимают практически все группы политической элиты. Я помню еще выступление Путина в Бундестаге, когда Евросоюзу по сути был предложен такой стратегический союз по логике «технологии в обмен на доступ к природным ресурсам». И перед нами стоит задача объединения в одну Большую Европу, и это может быть сделано. Мы будем главными бенефициариями этого процесса.

Нам нужны технологии из Евросоюза, причем не только технические, нужны технологии, без сомнения, управленческие, нужны технологии и в области политических и социальных систем. Это и технологии формирования правового государства, и технологии по созданию доступного образования, которому, к сожалению, нам приходится опять заново учиться у Евросоюза, поскольку у нас оно чрезмерно коммерциализировалось. Технологии, например, создания общественного телевидения, которое существует практически во всех европейских странах, но не существует у нас. Технологии по роли государства в экономике.

Но возникает вопрос: какова стратегия такой коалиции, такого союза? Будучи решительным сторонником союза России и Евросоюза, — кстати, не России и Европы, — не надо отказываться от собственной европейскости. Европа по сути дела состоит из Западной католической, Центральной протестантской и Восточной православной. Западная и Центральная сформировались в Евросоюз. Мы пока не оформились. Но это не значит, что мы — не Европа.

Кроме того, я хотел бы выразить несогласие с точкой зрения, высказанной коллегой Юргенсом по поводу присоединения к Евросоюзу и НАТО. Если мы ставим такую политическую задачу, то по сути дела речь идет о формировании режима ограниченного суверенитета. И, поверьте мне, хорошего из этого ничего не получится. Эта технология ограниченного суверенитета не понятно, закончится ли присоединением России к Евросоюзу, но точно закончится потерей контроля над многими ключевыми важными для страны структурами, системами и, возможно, даже ее определенном смысле разделением в дальнейшем.

Я бы предложил скорее другую альтернативную форму. Нам нужно, я бы сказал, не ползти в Евросоюз на коленях, а попытаться сформировать сначала стратегическое партнерство с ним. С этой точки зрения я предложил бы формирование скорее Восточ-

но-Европейского Союза, который включал бы страны, объединенные следующими форматами. Во-первых, они лежат к востоку от Евросоюза. Во-вторых, они ставят перед собой задачу построения внутри себя институтов, близких к институтам Евросоюза. В-третьих, у них нет шанса в ближайшее время стать полноценными членами Евросоюза. К этим странам относятся не только такие страны как Россия, но без сомнения Казахстан, Украина и в т. ч. Турция. Формирование такого союза и институтов типа Евросоюза у себя внутри, мне кажется, было бы реалистическим путем сближения с Евросоюзом. Потому что мы, конечно, крайне заинтересованы сами сформировать такие институты. Мне кажется, не надо отдавать политикам Евросоюза лидерство в этом процессе формирования такого рода институтов. Мы обязаны построить их сами. «На халяву» стать Европой не получится. Мы можем сделать это только сами, медленным, тяжелым и сложным трудом.

Мой опыт последних двух лет несколько отличается от опыта большинства людей, сидящих в этом зале, поскольку мне довольно много приходится работать в рамках Парламентской Ассамблеи Совета Европы и вообще структур Совета Европы. И должен вам сказать, что прежде чем подумать о том, чтобы отказываться даже в какой-то мере от суверенитета, я бы хотел, чтобы Игорь [Юргенс] и другие пообщались хорошенько там. К сожалению, проблема русофобии существует. Это не придуманная проблема. Она есть. Русофобия — это тяжелая ксенофобская болезнь, которой болеет огромная часть политического класса стран Евросоюза. И нам придется что-то решать с этой проблемой. У меня нет на сегодня окончательного решения, как это сделать, но предложение состоит в том, что, может быть, вести в некотором смысле многовекторную политику в Евросоюзе. Несмотря на оформление Лиссабонского договора, Евросоюз остается крайне рыхлым образованием, и в нем выделяются несколько групп стран, которые занимают различную политику по отношению к России. И мы должны эффективно строить разную политику по отношению к этим группам стран.

Я их перечислю. Во-первых, это лидеры европеизации и Евросоюза и НАТО. К ним относятся прежде всего Франция, Германия и примыкающая к ним Италия. Во-вторых, это проамериканские страны — Британия, Польша, ряд других. В-третьих, это страны с официально признанной русофобской идеологией — прибалтийские страны и т. д. Я слышу смех. Не надо смеяться. Лучше съездите как-нибудь со мной, посидите и послушайте, встретьтесь глаза в глаза с людьми, которые вас ненавидят только потому, что вы русские. Не надо думать, что расисты существуют только по отношению к неграм и к евреям. Поверьте мне, они существуют и по отношению к русским. Четвертая группа стран — православные страны. С ними могут строиться особые отношения. И пятая группа, там интересно образуются такие прагматические соседи, как ни странно, большинство из них являются быстрыми странами Австро-Венгрии. Видимо у них со времен Австро-Венгрии остались русофильские настроения. Это Австрия, Чехия, Словакия, Венгрия. По отношению к ним возможна тоже такая своеобразная политика.

Заканчиваю тем, что союз с Евросоюзом является крайне необходимым для России, для ее модернизации, для ее восстановления. Без такого союза нам трудно рассчитывать не только на то, чтобы стать современной страной, но и вообще на то, чтобы остаться единой страной в нынешних границах. Однако речь идет не о том, союз или противостояние, речь идет о том, как прагматически выгодно сформировать такой союз.

— **Ю.Рубинский.** Только что в понедельник и вторник, два дня я провел на другой конференции, посвященной почти той же теме, но под историческим углом рассмотрения — 20 лет первого и единственного договора Евросоюза с Советским Союзом. Там выступали многие люди. Сами понимаете, что академический институт не смог бы пригласить достаточно авторитетных людей из семи- восьми стран Евросоюза, если бы Европейская Комиссия не взяла все это дело на свой кошт. И потом представители Еврокомиссии в Москве активно участвовали в этом мероприятии.

В ходе этой дискуссии я бы обратил внимание на два пункта, имеющих прямое отношение к тому, что обсуждается здесь, и к этим двум докладам, которые мы выслушали, и, видимо, книги, которую я еще не читал.

Первое — это ценности. Такой в общем-то известный у нас, уважаемый и авторитетный человек как фон Штудниц, бывший посол ФРГ в Москве, выступил с большой речью, где сказал, что у нас действительно разные ценности. Это плохо, но это так. Я не стану излагать, почему и что. Я хотел напомнить ему, чтобы несколько самортизировать, что, скажем, между Соединенными Штатами и Китаем трудно найти особенно общие ценности, тем не менее при всем при том экономически и не только, геополитически более близких стран в современном мире найти трудно. А потом я пришел домой, включил радио и услышал выступление отца Всеволода Чаплина, которое меня глубоко огорчило и, к сожалению, приблизило к евроскептической оценке моего друга и коллеги Сергея Александровича. Отца Всеволода, во-первых, я знаю лично, он один из самых умных и тонких, образованных людей в верхнем эшелоне Русской православной церкви. Во-вторых, он — правая рука нынешнего патриарха Кирилла, фактически министр иностранных дел РПЦ. Что сказал отец Чаплин? Он сказал прямо, четко, я цитирую наизусть буквально, что принципы разделения властей и многопартийности противоречат фундаментальным ценностям православия. Всё. Дальше возражать этому самому Штудницу мне было бы просто довольно-таки затруднительно. Особенно если учитывать, что наш президент, после того как он официально вступил в должность, потом получает второе, как говорится, благословение, и это передается по телевидению.

И второе. Это, скорее не полемика, а дополнение к тому, что сказал второй докладчик, Игорь Юрьевич [Юргенс]. Дело в том, что больше всего меня заинтересовало во время этой конференции выступление двух представителей того, что мы называем «постсоветским пространством» — Украины и Молдавии. Это отнюдь не были — это я точно могу сказать профессору Маркову — не были русофобы ни в коем случае. Это не были, скажем, люди из окружения какого-нибудь Ющенко или Саакашвили, ничего подобного. Люди были настроены очень лояльно в отношении нас и нашей страны, и будущих отношений своих стран с нашей страной. И когда я их спросил, скажите, те или иные интеграционные мероприятия с Евросоюзом они у ваших стран имеют одно качество, а с нами — другое, совместимы ли они вообще или между ними есть антиномия, они как бы что ли одни идут за счет других, или нет? Они говорят: приведите пример. Пожалуйста, я сказал. Был такой эпизод, знаете, план Козака по Приднестровью. Красный свет был зажжен в Брюсселе открыто и публично. Это раз. Это не было забыто. Второе. Был проект тройственного консорциума по модернизации украинской газораспределительной сети с немцами сначала, потом с Евросоюзом. Вы знаете его судьбу. И тут Брюссель сказал «нет, этого не будет». Мне трудно сказать, я не специалист, кому это было выгодно или нет, но то, что этот эпизод, как и предыдущий, оставил очень горький осадок, и то, что мы слышали негативные евроскептические заявления здесь, они не русофобией какой-то эмоциональной подпитываются, я здесь не согласен с Мар-

ковым. Есть некие проблемы, связанные с нашими отношениями на постсоветском пространстве, которые вовсе не обязательно должны идентифицироваться с разделом сфер влияния, с некоей новой «доктриной Монро» и т. д. Нет. Возможны ли практические действия, сугубо прагматические, в которых баланс интересов в треугольнике «данное новое независимое государство—Евросоюз—Россия» мог бы найти возможность кооперации, где никто не был бы обижен?

Еще одно, когда представителя Украины спросили насчет Крыма, ответ был очень простой. Если, говорит, с вашей стороны будет Затулин и Юрий Михайлович Лужков, а с нашей стороны Ющенко, тогда ждите очень крупных неприятностей. И то, что было в Южной Осетии, покажется просто семечками по сравнению с тем, что возможно там.

— **В.Жарихин.** Хочу возразить господину Юргенсу. То, что вы говорите, в общем-то, я бы огрубил, звучит так: есть некая константа, это тот Евросоюз, который есть, та НАТО, которая есть, нам надо измениться, нам надо войти в эту рамку, которая задается существующими организациями, и войти в них. Кроме всего прочего, мне кажется, это просто невозможно. В эту рамку наш медведь не влезет, вот некоторая часть никак не пройдет в нее.

А Караганов все-таки ставит вопрос несколько по-другому, с моей точки зрения. Он ставит вопрос о том, что процесс сближения с Европой должен быть взаимным. Да, мы должны меняться. Да, мы знаем, где мы должны меняться. Но если со стороны Европы не будет встречного движения и в части взаимоотношений между Евросоюзом и Россией... Явно совершенно прямое вхождение невозможно, значит, нужны какие-то другие механизмы взаимодействия. Если НАТО не будет меняться, если не будет реализовываться предложение Медведева по созданию некой общей европейской структуры, то на самом деле получится то же самое, что происходило последние 20 лет. Мне кажется, в этом Караганов совершенно прав. Мы будем топтаться в прихожей Европы без всякой надежды на успех. В этом проблема. И это вопрос — какой путь выбрать, — который надо решать и стране в целом, а не только между вами двумя.

И второе, учитывая, что я все-таки замдиректора Института стран СНГ, сразу схватился за главу «Газовый кризис Украины. Послесловие». Удивительно, я дважды перелистал и обнаружил, что слово «Украина» здесь присутствует в этой всей главе только в названии. Ни слово «Украина», ни слово «украинский» больше там не присутствуют. Мне кажется все-таки, при всей важности взаимоотношений между Россией и Евросоюзом в газовой области, исключать Украину, украинские интересы, некоторые я бы сказал украинские провокационные интересы в этой области, было неправильно, потому что, не учитывая украинскую позицию, понять истоки газового кризиса, мне кажется, все-таки достаточно сложно.

— **Д.Воскобойников.** У меня три замечания. Первое. Меня заинтересовало замечание представителя МИД о том, что объем авторского текста в 220 страниц этой книги свидетельствует о динамичном развитии отношений между Россией и Европейским Союзом. Если мы учтем объем приложения в этой книге, то наши отношения с ЕС развиваются в два раза более динамично, чем полагают в МИДе. И может быть имеет смысл теперь, как некогда иностранцы по газете «Правда» между строчек выискивали, что на самом деле происходит в советском руководстве, то теперь по объему следующей

книги авторов, или обоих вместе, или каждого по отдельности, мы можем судить о том, что будет происходить в отношениях с ЕС.

И по сути два замечания. Если мы поменяем в названии этой книги два слова — «противостояние или союз» — на слова в значительной степени синонимичные — «дружба и вражда», например, «Россия и Европа — вражда или дружба?», то название этой книги сразу же покажется несколько банальным, а вопросы — риторическими. Потому что совершенно очевидно, что никто не может вести речь о вражде между Россией и Европейским Союзом. И все заинтересованы в дружбе. А в реальной жизни будет на самом деле не противостояние и не союз, будет в чем-то противостояние, в чем-то союз, в зависимости от того, какие вопросы будут решаться.

И отсюда третье замечание. Когда мы рассуждаем на полном серьезе, не стоит ли через какой-то период времени вступить России в ЕС или в НАТО, мы кажется похожи чем-то на тех людей, которые услышат в ответ — без меня меня женили. Во всех, по моему, наших размышлениях надо принимать во внимание тот факт, что для того, чтобы был какой-то союз, как и для танго, требуются двое. И мы можем строить совершенно любые умопостроения — вступать в ЕС, образовывать союз с Европой или еще что-либо, но это все обречено на неудачу просто по той причине, что другая сторона вообще не мыслит этими категориями.

И как заключение, может быть нам не стоит все время пытаться вписать себя в какую-то конструкцию — несокрушимый союз или отсутствие одного, мне кажется, это наследие какого-то блокового противостояния советских времен. Жизнь сложнее и все может меняться, особенно сейчас, очень быстро — и в течение года, и в течение двух, и в течение трех.

— **А.Портанский.** С большим интересом прослушал выступления авторов книги и комментарии. И целиком согласен с тем, что нужна некая технологическая база для того, чтобы отношения пошли вперед. Это естественно участие в Договоре Энергетической Хартии (здесь, правда, есть один подводный камень в виде ЮКОСа). Это участие в ОЭСР. Это, конечно, участие или присоединение к ВТО, о чем я скажу два слова отдельно.

Я считаю, что было бы конечно чрезвычайно позитивно, если бы в будущем мы смогли стать членом НАТО.

А что касается Европейского Союза, я здесь придерживаюсь точки зрения, отличной от той, которую высказал уважаемый Игорь Юргенс. Я вспоминаю один из регулярных саммитов России и ЕС 90-х годов, на котором Россию вместо приболевшего Бориса Николаевича представлял Виктор Степанович Черномырдин. Виктор Степанович тогда просто как-то случайно употребил в своем выступлении фразу «вступление России в ЕС». Но после этого его помощники сразу поправили и сказали, что этот вопрос просто не рассматривается, поэтому об этом как бы не стоит говорить. Т. е. даже в те годы, когда эйфория в отношениях, в представлениях об отношениях между ЕС и Россией была гораздо больше, чем сейчас, взаимная тяга, взаимные надежды были гораздо выше, этот вопрос не рассматривался. И я в этом смысле придерживаюсь позиции ортодоксов, я бы так сказал, из Института Европы. Я разделяю их мнение, что Россия сама по себе не может в силу геостратегических соображений, политических, исторических стать членом Европейского Союза. И здесь дело не только в том, что нас там не хотят.

Есть целый ряд других цивилизационных соображений. Как мы себе представим, что Акико Минотер будут действовать на Чукотке, на Дальнем Востоке. Тогда, наверное, Япония тоже должна вступить в Европейский Союз и т. д. Т. е. мне кажется, что только в одном случае перспективу такую можно рассматривать — в случае дезинтеграции России. Но мы не хотим думать о таком сценарии. Это абсолютно нежелательный сценарий для нас.

Далее, к сожалению, по личным наблюдениям могу сказать, что в последнее время нас там порой с трудом понимают. Приведу только два примера. Конфликт вокруг Южной Осетии. Многие в Европе естественно осудили нас, но, по крайней мере, нашу позицию поняли. И потом некоторые политики там несколько изменили свои взгляды. А что касается реформирования нашего присоединения к ВТО, вот здесь нас не поняли вообще. И самое интересное, и самое обидное для нас, что это и объяснить невозможно. Мы здесь внутри только можем между собой, да и то в коридорах, обмениваться мнениями о том, почему и как это произошло, а вот объяснить это невозможно. Но нас об этом спрашивают: почему? Ведь это противоречит вашим интересам? Без ВТО невозможно провести модернизацию. Мы это прекрасно понимаем, хотя может быть не все. Поэтому степень непонимания, конечно, имеет место и, к сожалению, усиливается.

Еще одно замечание. Здесь, может, более компетентный человек Леонид Григорьев меня поправит. Мне кажется, что развитие сотрудничества в нефтяной сфере с Китаем может изменить характер объема наших поставок углеводородов на рынок Европы. И мне кажется, что это будет, в конечном счете, не в наших интересах.

И последнее, относительно ценностей. Когда мы начинали это регулярное сотрудничество в 90-х годах, именно с 90-х годов у нас двухразовые саммиты стали проходить, тогда, естественно, мы заявляли о том, что мы полностью разделяем ценности западные. Потом в течение определенного периода у нас не совсем понятно было, что вообще с ценностями происходит. А сейчас, буквально на днях, президент Медведев в интервью немецкой прессе заявил о том, что у нас нет других ценностей, кроме западных. Это внушает определенный оптимизм. И мне кажется, что как уважаемый Сергей Александрович обозначил, что после 2012 года что-то может меняться, к этому есть определенные предпосылки.

— **С.Ознобищев.** Сколько я помню молодую Россию и уже не очень молодого себя, все время наша политическая элита говорит о европейском выборе. И это, наверное, глубоко закономерно. Но, к сожалению, наша политика, которая называется прагматичной, и здесь она, по-видимому, совпадает с нашей мятущейся душой, нас вовлекает в разного рода дружбы по интересам, в т. ч. с команданте Чавесом и другими приятными людьми. Мы задарили уже весь континент зимними шапками, но ясно, что такая дискретность в политике абсолютно тормозит любое движение или сильно затрудняет движение как к партнерству с Европой как таковой, поскольку делает нашу политику не очень объяснимой, так и к партнерству с другими влиятельными странами как Соединенные Штаты Америки, например. И в новых условиях, о которых мы все время говорим, что надо на что-то «менять» сырьевую экономику, по-видимому, на инновационное развитие, но ясно, что даже в слабеющей Европе ее самые развитые страны находятся на третьем месте после Японии и после Соединенных Штатов по уровню инновационного развития. Значит, европейский выбор подтверждается и этим.

Остается только понять, как и каким образом это сделать. Где то самое единое окно, которое сейчас вводится Лужковым в Москве, или то окно, которое прорубал Петр I, для того чтобы с Европой взаимодействовать? Партнерство с Испанией или с другой отдельно взятой страной тут многого не даст. Нужно системное сотрудничество с Европейским Союзом. И мне представляется, что оно может быть налажено как раз в той области, которая тесно примыкает к инновационному развитию — это критические технологии, перечень которых точно известен. Сидеть на них как курица на насесте смысла нет, потому что мы их не в силах развивать. И тот же самый Медведев недавно говорил о том, что мы должны брать инновации и деньги с Запада, у нас собственных нет. Вот поле для сотрудничества. Но мне кажется, что здесь просто нужен уже практический диалог. Хватит перемигиваться и намекать на то, что мы готовы войти, а надо вести серьезный разговор об условиях присоединения к европейским структурам, к НАТО, к Европейскому Союзу. Но это не значит, что мы должны входить в эти структуры как таковые. Потому что в ходе этого диалога как раз и могут быть обозначены те условия, на которых Россия может присоединяться, несомненно, в собственных интересах того самого своего европейского выбора.

— **М.Делягин.** Первое, чтобы на кого-то ориентироваться, нужно сначала кем-то быть. Потому что если вы на кого-то начнете жестко ориентироваться в том состоянии, в котором находится сейчас Россия, то очень быстро станете пищей. Я понимаю, что быть пищей у европейцев намного приятнее, чем у китайцев, намного более длительный процесс, но знаете, ничего хорошего в этом положении нет. Так что когда мы говорим о том, что Договор Энергетической Хартии и ВТО — это символы демократии, нам нужно как-то уходить от этого состояния.

Нужно учитывать интересы Евросоюза и интересы России. Я понимаю, что мы все российские интеллигенты, но все-таки интересы российской интеллигенции не тождественны интересам России, к сожалению. В частности, когда мы будем заимствовать европейские институты, там их придется очень сильно адаптировать к нашей замечательной русской культуре, которая не только Толстой и Достоевский, но и некоторые другие вещи. И нужно понимать, что эта адаптация будет встречаться Европой в штывы как извращение. А без адаптации они у нас работать не будут.

Далее. Я не стал бы называть болезнью специфику идентичности некоторой восточноевропейской элиты. Я имею в виду русофобию. Потому что это ключевой критерий демократии для некоторых элит, эта нелюбовь к России. Русофобия действительно воспринимается как основной элемент идентичности некоторых элит, по крайней мере, в Прибалтике и в Польше, то, с чем я сталкивался лично и плотно. И нам нужно не обижаться на это, не закатывать по этому поводу истерики, а нам предстоит длительная и тяжелая работа с ненавистью, есть такой термин в психиатрии. Нам предстоит работа на уровне даже не психологии, а именно психиатрии.

Далее. Евросоюз не есть что-то застывшее, как здесь много раз говорилось. Я просто напомню, что отрыв по ВВП на душу населения от, скажем, Франции в странах Восточной Европы сейчас выше, чем до начала евроинтеграции. Не хочу делать из этого далеко идущих выводов, но интеграция Восточной Европы, включая ГДР, идет совсем не так, как ожидалось в 1990-м, даже в 1995 году. И поэтому политика России по отношению к Евросоюзу должна быть дифференцированной. Да, там все больше функций отдается на уровень Брюсселя, и будет отдаваться, но мы должны понимать, что «старая

Европа» и «новая Европа» будут оставаться. И наша политика должна быть разная для «старой Европы» и для «новой Европы». Кстати, нужно еще учитывать, что то, что мы деликатно именуем постсоветским пространством, тоже требует совершенно отдельной политики. Без этого ни о какой нашей эффективности, ни о какой дружбе речи быть не может.

И, наконец, сейчас Евросоюз вступает в некий новый этап своего развития, потому что закончился период бурного территориального расширения и здесь масса проблем, в т. ч. проблем идеологических. И главная задача, как мне кажется, сейчас — это понять, а как собственно изменится его развитие на новом этапе его существования. Потому что, я думаю, что годика через три это будет уже другой Евросоюз с другими нормами поведения.

И последнее, насчет европейских ценностей. Европейские ценности всё больше существуют только в сознании и в морали российской интеллигенции. Европа от того, что мы называем европейскими ценностями, уходит быстро. Не нужно им об этом говорить, особенно на переговорах, они сильно обижаются и выпадают из адекватности, но учитывать это нужно, иначе неадекватными будем уже мы.

— **Ф. Лукьянов.** Мне лично больше всего понравилась фраза Леонида Григорьева по поводу необходимости прежде чем устанавливать отношения с внешней Европой, как-то попытаться спасти в России «Европу внутреннюю», прежде всего посредством образования. Мне кажется, это вообще одна из ключевых фраз.

— **С. Караганов.** Первое, вопрос, поднятый Рубинским, о том, что мы соперничаем. Мы не должны закрывать глаза на то, что в последние годы между Европой и Российской Федерацией происходит острое соперничество в первую очередь за позиции на постсоветском пространстве. Вызвано это соперничество незавершенной «холодной войной», во-первых; а во-вторых, — слабостью Европы, которая пыталась демонстрацией своей активности на этом пространстве утвердиться в мировой политике. Это Европе не удалось. Европа, конечно же, слабеет в геополитическом смысле, хотя я считаю, что это великолепный и потрясающий успех человеческого гения и человеческой политики. Поэтому я считаю, что нужно еще два, три, четыре, пять лет для того, чтобы понять и европейцам, и нам наш реальный размер. Европейцам понять, куда они идут и какова у них сила после Лиссабонского договора, который откроет, как мне кажется, довольно большие проблемы для европейцев. У них была надежда. Больше надежды на усиление не будет. Может быть, Европа станет более реалистичной, но и мы можем стать более реалистичными и более прагматичными, когда увидим, что идем к очень крупным проблемам, чтобы не сказать к катастрофическим проблемам, учитывая демодернизацию страны. Может быть, на каком-то этапе, через несколько лет — повторяю, МИД должен работать, — мы будем более реалистичны в отношении друг друга.

И второе. Раньше я не предвижу никаких прорывов и даже сближения, к сожалению, но может быть мы поймем хотя бы, что постсоветское пространство — это пространство взаимного освоения, а не пространство борьбы с нулевой суммой. Сейчас именно так рассматривается эта проблема и в Европе, и в России.

И последнее. Вопрос о Союзе Европы, о союзе с Европейским Союзом есть вопрос не только и не столько геополитический, хотя мы в этой книжке его облекаем в

геополитические термины. Это вопрос внутреннего развития страны. Либо мы идем хотя бы в сторону старых европейских ценностей, либо мы даже от них отказываемся. Именно поэтому нам нужно как элите или как политикообразующему классу самим определиться, и чтобы определились наши молодые коллеги. Потому что стратегическое одиночество — это была доктрина, которая превалировала в наших мозгах в последние 5—6 лет — привело к тому, что мы стали «независимым центром силы», все мы знаем, это все правда, это очень хорошо, но и привело к усилению тенденции к демодернизации страны. Поэтому я не предвижу даже теоретической возможности вхождения России в Евросоюз. Тем более не знаю, будет ли Евросоюз привлекательным партнером через 30 лет, когда вдруг Россия может оказаться готовой в силу каких-то соображений внутреннего развития к такому вхождению, но вопрос о союзе с Европой есть, повторяю, вопрос для нас абсолютно необходимый. При этом я, повторяю, и выступаю, и буду выступать за переориентацию вектора наших внешнеэкономических связей на Азию, потому что они опасно ориентированы на Европу, которая является относительно сокращающимся рынком в мире.

— **И.Юргенс.** Я хочу всех поблагодарить и буду учитывать замечания и предложения в работе. Я конечно не настолько наивен, чтобы предлагать завтра вступить в сегодняшний ЕС и сегодняшнее НАТО. Это работа очень большая, в т. ч. с русофобами.

Сергей Александрович не даст соврать, с 1997 года работаю с русофобами в Латвии. В результате — русский мэр, демократически победил Нил Ушаков, наш друг. А начиналось всё очень плохо.

Если задачу себе поставить, ее можно решить. А разницы между вступлением России в ЕС и созданием союза России с ЕС я не вижу. И мощи такой, чтобы мы продиктовали ЕС стать союзниками с нами, тоже у нас пока не вижу, притом, что мой друг Караганов рефреном повторяет о демодернизации и катастрофе, катящейся в глаза.